

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ: ТРАДИЦИЯ, ПРАЗДНОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОБЫТИЕ ПОСТМОДЕРНА

HISTORICAL RECONSTRUCTION: TRADITIONS, CELEBRATION OF IDENTITY AND A POST-MODERN EVENT

E. A. Дичковская

K. A. Dzichkouskaya

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: katerinadi@yandex.ru

В статье рассматриваются теоретические аспекты такой области исследования как «историческая реконструкция». Очерчены общие контуры культурной практики воссоздания прошлого. Приведены некоторые размышления о значениях, которые такой тип событий выражает в современном обществе в отношении тем территориальной идентичности, культурного наследия и народной культуры.

Ключевые слова: историческая реконструкция; нематериальная культура; традиция; десемантизация.

The article deals with the theoretical aspects of such an area of research as historical reconstruction. Some general features of cultural practices of recreating the past are outlined. Some reflections on the meanings of this type of event in modern society with respect to topics of territorial identity, cultural heritage and folk culture are given.

Keywords: historical reconstruction; intangible culture; tradition; desemantization.

Что могут означать часто используемые термины в некоторых устоявших формах таких, как «традиция» и «народный»? Может ли культурология изучать деятельность и динамику повторного предложения истории или это сфера только истории? Какие формы повторного воссоздания прошлого используются в современной культуре, если такие имеются? Попытаемся найти ответы на эти вопросы в данной работе.

Сегодня прошлому придают значение в соответствии с обратной логикой, т.е. ведущей к происхождению традиции, таким образом, чтобы ее легко было бы переместить в настоящее [2, с. 131]. Так, антропологи Жан Пуйон и Жерар Ленклуд продемонстрировали, что то, что часто представлялось как «традиция», на самом деле было способом форми-

рования определенного видения прошлого, чтобы привести его в соответствие с существующими значениями (J. Pouillon, 1975; G. Lenclud, 1987). Это свидетельствует о том, что дошедшие до нас значения культурных традиций были десемантизированы. Анализ критических изменений традиций позволил деконструировать само понятие «традиция», которое должно рассматриваться не как фиксированный набор культурных особенностей, передаваемых из поколения в поколение, а скорее, как стратегический и конструктивный ресурс. Даже семиотика Умберто Эко интерпретирует значения, следуя изменяющимся критериям присвоения и конструирования истин.

В рамках культурных практик воссоздания прошлого существует необходимость в понимании пространственно-временного континуума и современных способов существования практик, посредством которых выражается и передается современность. Академический кризис, связанный с попыткой осовременить прошлое, сопровождается экспоненциальным оживлением повторно предлагаемых показов, представлений праздников и событий прошлого, при этом сам процесс, предполагающий выбор, отбор, корректировку и переосмысление прошлого, характеризуется постоянным обновлением. Такое описание процесса воссоздания культурно-исторического прошлого на протяжении последних десятилетий является предметом изучения культурологии и мало чем отличается от истории. Культурологический подход к практикам воссоздания прошлого, основанный на смешении чувств и осознаний значений традиций, выявляет кризис ранее существовавших концептуальных механизмов, более того, сегодня он может использоваться для де-эссенциализирования и повторного освящения прошлого.

В двадцатом веке «идентичность» долгое время была лозунгом мысли, открытой для культурного разнообразия, терпимости к другим. Но в последние десятилетия XX века цель стала меняться: в значительной степени принцип значимости и эссенциалистские способы использования идентичности были поставлены на службу ксенофобским и ненасильственным идеологиям и проектам этнической чистки, что вызвало радикальную самокритику социальных наук, происходящую на фоне удачно развивающейся фазы постмодерна, в форме риторической и политической деконструкции идентичности. Существует мнение, что культурная идентичность – это поэтически сформулированное изобретение, не стоящее в зависимости от требований экономической и политической власти. Именно политическая власть полагается на «естественную» идентичность, в то время как фактически она ее создает и строит.

Факт остается фактом: существуют человеческие и территориальные реальности, характеризующиеся относительной компактностью и

долгой преемственностью черт как структурных (например, ландшафт, производственная деятельность, распределение собственности, демографический состав и т.д.), так и относящихся к культурному типу (язык, религия, семейные формы, ценности и т.д.). Эти реальности с размытыми границами, исторически изменчивые, и потому абсолютно временны. Они представляют контексты, в которых живут люди, ввиду этого исследования локальных культур должны быть сконцентрированы на них (L. Carle, 2013). С другой стороны, есть еще одно значение термина «идентичность», которое нельзя игнорировать: значение является частью языка самих социальных субъектов, и важную часть их практик можно четко определить как конструирование идентичности, отражая гораздо более широкую политику в области культурного наследия и культурной памяти.

Феномен исторических реконструкций сам по себе не является новым, однако наибольшую популярность во всем мире и, в частности, в Европе, он приобрел только в последние десятилетия. Так, например, в Италии ведущую роль в использовании практик воссоздания играет область Тосканы: это один из регионов, где историческая реконструкция широко распространена и систематично применяется по причине ранее существовавших вековых традиций городских праздников и «средневековой» идеологии (S. Cavazza, 1997; T. Di Cargagna Falconieri, 2011). Здесь богато используется символический лексикон живой реконструкции исторического прошлого (древние игры, костюмированные парады и т.д.). На этой основе были привиты и стали использоваться такие элементы из североевропейских и американских традиций как историческая реконструкция или инсценировка, включающая воссоздание реальных событий прошлого (англ. *reenactment*) и живая история, включающая показы быта (англ. *living history*), что породило сложную и составную ритуальную грамматику события, при этом одновременно появилась необходимость в документировании этой грамматики посредством каталогизации событий и социальных тем.

Что собой представляет историческая реконструкция? Определить данное понятие достаточно сложно, потому что в языке этот термин указывает на довольно разнородную совокупность явлений, пространственно-временной континуум, характеризуемый общими чертами, а не общими сущностями. Тем не менее, можно выделить некоторые характеристики для данного культурного явления, которые можно обобщить следующим образом:

1) это публичные мероприятия, посвященные реконструкции и постановке эпизодов или форм жизни из прошлого (более или менее ре-

альное прошлое, в некоторых случаях документально запечатленное, в других – более стереотипное, если не фантастическое, придуманное);

2) главные герои таких мероприятий – социальные актеры, принимающие участие в постановке, и, следовательно, обладающие знаниями исторических контекстов с помощью погружения, включения в происходящее и эмоционального вовлечения;

3) постановки организуются и проводятся с помощью таких инструментов и техник исполнения как маскировка, камуфляж, телесные виды спорта, воссоздание среды и форм материальной культуры, парады, игры, соревнования и другие формы социального общения;

4) мероприятия по воссозданию прошлого, хотя и часто поддерживаемые институтами, возникают и укореняются «снизу»; общественные объединения и различные формы гражданского общества играют решающую и доминирующую роль [1, с. 14].

Вышеперечисленные характеристики относятся к широкому кругу мероприятий, тем не менее, можно отметить следующие общие типологии, которые представляют собой ядро реконструктивных, воссоздающих практик и в некоторых случаях могут переплетаться или накладываться друг на друга:

1) исторические праздники: то есть праздничные моменты, связанные с определенным городом или местом, цель которых – воссоздать события или контексты из определенного прошлого (часто периода средневековья или ренессанса), с историческими декорациями, переодеванием и наличием соревновательных компонентов, таких как палио (традиционные скачки) или состязания между районами (контрадами) или кварталами;

2) парады, шествия, выступления, игры и представления на фоне исторического окружения: например, демонстрации средневекового фехтования или стрельбы из лука или арбалета, показы соколиной охоты, конные турниры и игры «прошлого», музыкальные представления с древними инструментами и т. д.;

3) реконструкция сражений всех эпох, от Пунических войн до Второй мировой войны;

4) реконструкция окружающей обстановки, например, «древних ремесел», рынков, повседневной жизни и быта прошлого, в жилых, коммерческих и продовольственных целях (как в случае широко распространенных «средневековых обедов» и т. п.). Необходимо добавить, что эксперты в этой области выделяют различия между понятиями «воссоздающая практика» (события) и «реконструкция» (окружающей среды или контекста): реконструкция считается более научной и филологически обоснованной категорией культуры, в то время как воссоздающие

практики – это творческие и образные выражения прошлого, движимые театральными и зрелищными потребностями [1, с. 14-15].

Пространственно-временной континуум исторической реконструкции граничит, или, скорее, идет параллельно, а иногда и переплетается, с практикой укрепления нематериального культурного наследия, являющейся частью культурной политики ЮНЕСКО. Список ЮНЕСКО свидетельствует о культурно-исторической ценности культурных практик на основе достаточно разнородных критерииев и включает праздники, представления и технические знания, которые часто имеют древние корни и далекое историческое происхождение, демонстрируя черты, схожие с таковыми в исторических реконструкциях: например, использование исторической одежды, постановка событий из прошлого или ремесленные приемы «из прошлого». Теоретически должно быть существенное различие между событием культурно-исторического наследия и событием, представленным исторической реконструкцией: первое основано на фундаментальной преемственности прошлого и настоящего, а второе предполагает окончательный разрыв с прошлым, без которого было бы невозможно его воссоздание. Для исторической реконструкции именно ссылка на безвозвратно утерянный мир оправдывает повторную практику представления и задачу «оживления» истории, познания ее «вместе», в коллективе на эмоциональном уровне. На самом деле, даже нематериальное культурное наследие приближается ко второй модели: по крайней мере, в той степени, в которой традиции не являются постоянством прошлого в настоящем, а, как давно уже показали дискуссии антропологов, способом выборочной реконструкции аспектов прошлого, исходя из интересов настоящего (P. Clemente, F. Mugnaini, 2001).

Итак, можно подытожить, что историческая реконструкция является важной частью культуры современности, включает воссоздание материальной и духовной культуры той или иной исторической эпохи и региона, а также воспроизведение исторических событий. Историческая реконструкция связана с темами территориальной идентичности, туризма, местного экономического развития, культурного наследия и народной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Dei, F. Le rievocazioni storiche: tra feste identitarie ed eventi postmoderni / F. Dei // Rievocare il passato: memoria culturale e identità territoriali / a cura di F. Dei, C. Di Pasquale.– Pisa University Press, 2017. – p. 11-30.
2. Lenclud, G. La tradizione non è più quella d'un tempo / G. Lenclud // Oltre il folklore: tradizioni popolari e antropologia nella società contemporanea / ed.: P. Clemente, F. Mugnaini. – Carocci, 2001. – P. 123-133.